Имена

ЗНАКОМЫЕ ВСЕ ЛИЦА

Козаков приехал в Москву. Эта весть очень быстро разнеслась среди журналистов, и в Дом актера, где Михаил Михайлович сейчас репетирует свой новый спектакль, началось паломничество. Все хотели взять интервью у Козакова, а он их с удовольствием давал. Правда, к газете "Культура" у него особое отношение, и потому данное интервью можно считать эксклюзивным. Мне пришлось ждать около месяца, пока он отсмотрит все интересующие его театральные постановки в Москве, так как говорить мы собирались о его театральных впечатлениях после четырехлетнего отсутствия в России.

К великому сожалению, на бумаге невозможно передать ту потрясающую энергетику, ту ауру, которая исходит от этого человека, замечательного актера и режиссера. Два часа разговора пролетели как одна минута, ибо он великолепный рассказчик и собеседник. Впрочем, судите сами.

МИХАИЛ КОЗАКОВ:

"Это мое личное мнение, и я его полностью разделяю"

Ирина КАШИРСКАЯ

Фото Германа РОВИНСКОГО

– Наш с вами разговор на страницах именно этой газеты вполне закономерен: раньше я всегда выписывал "Советскую культуру", ну еще "Литературку". Там было все, что мне нужно, вся информация о театре, кино, телевидении. Поэтому этих двух газет мне вполне хватало.

А вообще ностальгия у каждого проявляется по-своему: у меня она по русскому театру и по всему, что вокруг него, по разговорам о просмотренных спектаклях, по самому театральному процессу. Без березок я могу прожить, а вот без речи родной, которая проявляется в театральном искусстве, – трудно.

По кино я скучаю, но не так. Оно мне интересно в меньшей степени, чем театр, потому что я знаю, что оно не идет в кинотеатрах, что оно стало фестивальным, массовый зритель его не видит. Когда я снимал фильмы на телевидении (а я снимал только телефильмы, в основном экранизируя пьесы, так что все равно это был своеобразный театр в кино), то считал, что картина рождается тогда, когда миллионы телезрителей включают свои телевизоры, а не когда идет просмотр в Доме кино.

А театр – дело живое. Публика к нему повернулась в последнее время, и это закономерно. Понятно почему: политика осточертела, в кино не ходят, все время сидеть у телевизора невозможно. Поэтому стали ходить в театр, где живой процесс, и потом поход в театр – это все-таки некая акция. Наконец, там красиво, тепло и светло, и мухи не кусают.

То, что в Москве пульс театральной жизни серьезный – мне было понятно еще в Израиле, некоторые московские постановки я смотрел там по телевизору, внимательно слушал все разговоры о театре, читал интервью. Кстати, в Израиле тоже есть театр, и его там любят, но Израиль – это не театральная страна в том смысле, в каком театральной страной является Россия, Англия и когда-то была Польша. А Москва – это крупнейшая театральная Мекка. И слава Богу.

Приехав сейчас в Москву, я стал бегать по театрам, мне много удалось посмотреть, хотя я не видел некоторых, так называемых, "шоковых" спектаклей типа "Превращения" по Кафке в "Сатириконе", спектаклей К.Гинкаса и других.

Зато я был на "модных" спектаклях, например, посмотрел "Кин IV" по пьесе Г.Горина в Театре имени Маяковского, "Королевские игры" у М.Захарова, "Виндзорских насмешниц", "Адский сад" и "Пигмалиона" в "Современнике", "Бориса Годунова" во МХАТе. Последний спектакль мне был очень интересен. Во-первых, там играют мой учитель Олег Николаевич Ефремов и его сын Миша. Во-вторых, я думал: можно ли эту пьесу все-таки поставить или ее можно только читать? Я видел на театре "Бориса Годунова" – и у Любимова, и у Эфроса помню телеспектакль... Пушкин для меня – Бог, как Толстой. Так вот, Толстой – драматург, "Живой труп" – это пьеса, ее можно играть и будут играть, и были удачные спектакли, а вот Пушкин – это все-таки поэма. Даже "Фауст" Гете более сценичен (во всяком случае в первой части), чем "Борис Годунов". Не случайно и "Маленькие трагедии" никогда не получались. Они могут получиться фрагментарно, в них могут получиться роли. Все это может быть хорошо в концертном исполнении, с музыкой, это условный театр, поэтический.

Казалось бы, "Борис Годунов" сделан по всем законам шекспировской пьесы – а не пьеса. Но несмотря на это, два монолога Олега Ефремова во мхатовском спектакле были замечательны, а сцена прощания с сыном – просто грандиозна. И я получил огромное удовольствие от игры обоих Ефремовых. Все остальное там спорно, начиная от оформления Мессерера (слайды в сочетании с театральными костюмами) и кончая выбивающейся из жанра сценой в корчме.

– Вы заметили, что в Москве последнее время ставят все больше классику, либо пьесы на исторической основе? Как вы думаете, это связано с кризисом в современной драматургии?

– Я посмотрел пьесу "Чешское фото" Александра Галина в его же постановке в "Ленкоме", а до этого видел его "Сорри" в постановке Г.Панфилова. Честь и хвала Галину за то, что он остается одним из немногих драматургов, пишущих на современную тему. Это нельзя не оценить, и, бесспорно, он талантлив.

Но в одном случае ("Сорри") Панфилов вместе с Чуриковой и Караченцовым преодолели некоторые несовершенства пьесы. Я смотрел этот спектакль во время их гастролей в Израиле – они покорили зал. Они так "достали" меня своей игрой, что в конце спектакля я заплакал (я вообще человек очень чувствительный).

И тогда я подумал: "Телефонную книгу сыграть нельзя, значит, в этом успехе есть большая заслуга и Галина-драматурга".

Когда я смотрел "Чешское фото", то тоже сначала упивался игрой двух грандиозных актеров, Калягина и Караченцова, я просто обмер, когда они вышли на сцену. А потом пьеса остановилась – и все. Я предугадывал, что там будет дальше. Она не развивалась, в ней не было поворотов. Я всегда своим актерам объяснял: "Самое страшное, когда зритель давно все понял, а мы все говорим, говорим, говорим...". И в данном случае я считаю, что в неудаче этого спектакля виноват драматург Галин, а не режиссер. Очень редко удается режиссеру подправить изъяны пьесы, как это удалось, например, М.Захарову в "Жестоких играх" – лучшей, на мой взгляд, из всех постановок этой пьесы. В этом смысле "Кин IV" в Театре имени Маяковского режиссерски удался (постановка Т.Ахрамковой). Весь первый акт я присматривался: и актеры хороши, и декорации, и костюмы. А во втором акте (который всегда важнее первого) пьеса, что называется, "вышла в тему". При том, что пьеса Г.Горина непростая, да и гениев всегда играть очень сложно. Режиссеру удалось из короля Лира, из Гамлета, из кого-то еще собрать вместе с актером потрясающий образ Кина. И Костолевский, и Лазарев-старший, и Кашинцев – все там играли прекрасно.

У Захарова в "Королевских играх" картина обратная. Когда я читал пьесу – она мне казалось неподъемной. Но Марку Анатольевичу удалось придумать потрясающую форму этой псевдоисторической пьесе, этой странной опере – просто не оторвать глаз. Но только в первом акте. А во втором, когда "фокуса" стало меньше, и началась собственно пьеса (где прекрасно играют и Броневой, и Лазарев-младший, и Ларионов), стало скучно, форма ушла, и эта история меня волновать перестала.

– Были спектакли, после которых вы жалели о потерянном времени?

– Нет. Я везде и всегда для себя что-то находил. Например, у Трушкина в "Подземке" тоже много хорошего. Я считаю, что это крепкий "попсовый" спектакль. Но из всех актеров, которые там играют (в основном молодежь), я бы отметил только Мишу Ефремова.

Одно из самых больших удовольствий в театральной Москве я получил на поэтическом вечере Алисы Фрейндлих в Доме актера. При том, что я сам чтец и отношусь к этому пристрастно. Мне мало кто нравится из чтецов, хотя я очень высоко ценю С.Юрского. Он большой мастер, особенно в прозе.

Что касается Алисы Бруновны, она была великолепна: читала Цветаеву, Ахматову, Мандельштама, Пастернака. И понимала, что она читает, а это очень важно. Ведь понимать – это не только головой и сердцем понимать. Это музицировать, сочетать музыку того или иного поэта с пониманием, о чем идет речь. Как нельзя пианисту перепутать, кого он играет – Шопена или Шуберта, так и читая стихи, нужно слышать низы Ахматовой, ее классический тон, подъемы, стиль и отличать его от стиля Цветаевой. Фрейндлих это отлично делает, поэтому для меня этот вечер был праздником.

– Как прошла ваша встреча с родным "Современником"?

– "Современник" действительно остается для меня кровно родным, хотя я в своей жизни сменил очень много театров и из "Современника" ушел еще до Ефремова. Я очень люблю этот театр. Честь и хвала Галине Борисовне Волчек за то, что она сумела сохранить его, хотя столько людей ушло от нее в свое время, столько людей ее предало, в том числе и я. Она выдержала такие удары, и вопреки всему ее "Современник" существует.

Я могу отметить, что публика у нее в театре замечательная. Это не "крутые", не "жирные" и не случайно забежавшие погреться в театр люди. И это очень важно. Кроме того, там всегда полные залы, и "лишние билетики" стреляют у входа.

Я посмотрел у Волчек три спектакля. В "Виндзорских насмешницах" могу отметить две прекрасные актерские работы – Лии Ахеджаковой и Аллы Покровской, но сам спектакль показался мне длинным и несмешным (хотя у Шекспира это комедия), и никакой сверхмысли в нем нет.

"Пигмалион", на мой взгляд, вообще трудно ставить в драматическом театре. Мюзикл – это другое дело, там все условно. Там за время сценического действия можно из девушки, говорящей с деревенским акцентом, сделать леди с помощью песен. Почему "Пиковая дама" получается в опере, а у меня, например, фильм не получился? То же самое с "Борисом Годуновым". Или "Нос" – у Шостаковича получилось, а у Быкова, по-моему, нет. Что такое: нос пошел гулять по городу? В опере это можно спеть, а в кино показать невозможно.

Кроме того, мне кажется, здесь дело в самой пьесе. У Б.Шоу иногда гораздо интересней игра ума и его собственные парадоксы, чем натуральное действие. Я, например, не знаю, как сегодня ставить "Пигмалиона". И что делать с этим акцентом?

Что же касается Виктюка, то я у него видел три постановки. Он, конечно, режиссер модный и скандальный, но его "Служанки" (в "Сатириконе") в свое время, когда я их видел, показались мне, как сказала бы моя мама, "изыском обосранца". Очень изысканно, но дико холодно, не про "что". А ему и не надо про "что". Те, кто любит "форму", получают у Виктюка свой кайф. Мне же хватает на его спектаклях 5 минут, а дальше я люблю подключаться. Я прихожу в театр смеяться, плакать, думать, любоваться, сопереживать, а там я этого всего не получаю.

"М.Баттерфляй", как ни странно, мне понравилась. Уже одно то, что Виктюк нашел такого редкого актера, как Э.Курмангалиев, делает этот спектакль.

А в "Адском саде" Роман Григорьевич шаманил. Хотя очень талантливо. Он оркестровал этот спектакль и с точки зрения пластики, и с точки зрения голосов. Там очень четко разработано, кто когда говорит низким или высоким голосом, и все красиво. Правда, опять "как" преобладало над "что". Я не ушел после первого акта только потому, что хотел понять: что же Виктюк все-таки натворил? Но я не потрясен этим спектаклем, это – не мое. Мне, как ущербному реалисту, одного "как" мало.

Такой же праздник для глаза, на мой взгляд, "Женитьба Фигаро" в "Ленкоме". Глаз радуется беспрерывно, но кто из них там кому дядя, и кто кого хочет (не любит, а именно хочет), я так и не понял. Может, это был режиссерский замысел. И хотя Певцов двигается на сцене почти как Владимир Васильев, и все они там поют, все танцуют, и зал ревет от восторга, мне опять было пусто и несмешно. Я вспоминал спектакль в "Сатире" (когда Альмавиву играл Гафт (еще до Ширвиндта), и то, как он весь "дымился" от желания в сценах с Сюзанной, – это было смешно и, конечно, бесподобного Андрюшу Миронова. Хотя я очень люблю Марка Захарова, обожаю его "Поминальную молитву" и "Мудреца", фильмы "Обыкновенное чудо" и "Тот самый Мюнхгаузен", и даже "12 стульев" его сегодня смотрятся много лучше, чем раньше. Он крупный мастер.

– Скажите, давая это интервью, вы думаете о том, что его будут читать и ваши коллеги, а потому стараетесь ли быть "аккуратным" в своих оценках или это откровенно?

– Нет, я на самом деле так думаю. И, потом, я уже наговорил довольно много резких вещей. Но, как было сказано в одной пьесе: "Это мое личное мнение, и я его полностью разделяю". Вообще, у меня раньше был принцип: я писал только о тех просмотренных спектаклях, которые мне нравились. Принадлежность к "цеху" препятствовала резкой критике в адрес коллег. А в данном случае я рассказываю о впечатлениях зрителя Козакова, хотя бывает трудно отделить его от Козакова-режиссера или актера.

На самом деле очень редко бывает так, что все в спектакле идеально: и форма, и содержание, и игра, хотя я за свою долгую жизнь видел это не раз. Сейчас для меня таким спектаклем стала постановка Сергеем Юрским пьесы Ионэско "Стулья". Я не слишком люблю этого драматурга (кроме его "Носорогов") и, как ставить такую пьесу, как "Стулья", не представлял. Сережа сделал авторский вариант, переработав ее всю. Он знает французский, он пишущий человек, и он придумал, казалось бы, такую простую форму, но она потрясающе работает. Кроме того, они с Теняковой грандиозно воплотили на сцене этот замысел, – я ревел белугой и смеялся. "Стулья" я видел еще в свой прошлый приезд в Москву и для меня это – идеальный спектакль.

– Расскажите, пожалуйста, что вы поставили за эти годы в Израиле и что ставите сейчас в Москве?

– Я поставил, например, Гарольда Пинтера "Любовник" на двух языках и сыграл там; поставил "Чествование" в другом переводе и отличном от постановки Трушкина стиле; Пауля Барца "Возможную встречу" – у нас тоже совершенно другой спектакль, нежели во МХАТе. Начнем с того, что наш на час короче. Я считаю, что эта пьеса сильно заболтана, ее писал музыковед, а мне в ней была важна тема трех прожитых жизней, их итог. У нас очень скромные декорации, дверь смотрится как католический алтарь, клавесин на сцене не стоит, а стоят два пюпитра, из которых как бы извлекается музыка, являющаяся важнейшим компонентом этого спектакля. Я играю Генделя, а Валя Никулин – Баха. "Чествование" я хочу поставить заново в Питере с актерами Театра имени Комиссаржевской, потому что считаю, что в Израиле для этого спектакля нет в нужном количестве классных актеров, а поскольку я делаю "актерский" театр, для меня это важно.

Я поставил "Чайку" со своими студентами, это современное прочтение этой пьесы. А сейчас, здесь, я ставлю Ноэля Коуарда в переводе М.Мишина. Это будет комедия. И я счастлив вновь работать с потрясающими русскими актрисами – Т.Догилевой, О.Аросевой, Т.Кравченко. Премьера состоится 3 февраля в Израиле, потом, если найдем спонсоров, привезем спектакль в Москву. Я занял на эту постановку в Израиле (там ведь никто просто так денег не дает) 150 тысяч долларов и сейчас трясусь, как осиновый лист: если мы не пройдем – я сгорел. А пройти сейчас в Израиле непросто, там зритель перекормлен хорошими театрами и артистами, приезжающими на гастроли в больших количествах.

У нас в Израиле – театральное агентство, жена моя – продюсер. Без нее я бы погиб, потому что не умею считать совершенно и могу не угадать, кого сейчас надо привозить на гастроли. Я бы сказал – "Стулья" Юрского и мог бы ошибиться. А она привозила "Сорри" и "Поле битвы после победы принадлежит мародерам" с Ширвиндтом и Гурченко, и они там прекрасно прошли. Я с трудом угадываю, что самому ставить...

Между Израилем и Москвой огромная разница в менталитетах, это одна из самых больших трудностей, о которой я часто думаю, находясь "там". Мифы у нас разные с ними, разные болевые и смеховые точки... Если бы не маленькие дети – я бы, конечно, остался в Москве, а жить на две страны мне в моем возрасте уже непросто.

В московском издательстве "Вагриус" весной выйдут две мои книги. Последняя называется "Третий звонок". Это книга исповедальная, я бы даже сказал – эксгибиционистская. Вот в ней я написал обо всем – и об Израиле, и о России, о своей боли, и о своих радостях.

Иногда мне кажется, что выражение: "Жить будете, петь – никогда" сказано про меня. ●